

*Посвящается всем женщинам,
которые не побоялись сказать правду —
перед тысячами зрителей в прямом эфире
или с глазу на глаз в отделе кадров.
Мы слышим вас. Мы вам верим.*

Пролог

Аэропорт им. Джона Кеннеди, Нью-Йорк
22 февраля, вторник
День крушения

В четвертом терминале многолюдно. Пахнет потом и топливом. Я стою у стеклянных дверей и жду ее. Каждый раз, когда кто-то заходит, меня обдает зимним холодом. Я стараюсь не раскисать и представляю ласковый бриз в Пуэрто-Рико, наполненный ароматами цветов и моря. Чарующая испанская речь баюкает, окутывает, как теплые воды, унося прочь мое прошлое.

Снаружи воздух гудит от рева взлетающих самолетов, внутри громкоговорители изрыгают бесконечные объявления. За моей спиной пожилая итальянка пронзительно и резко кого-то отчитывает. Я не обращаюсь, не отвожу взгляда от тротуара, заполненного людьми. Я ищу ее. Не теряю надежды...

Мне известно не много: ее имя, ее лицо и то, что летит она сегодня утренним рейсом. Обо мне она не знает ничего. Надеюсь, я ее не пропустила, иначе — даже думать не хочется — можно попроцаться с мечтами о новой жизни.

Люди пропадают, такое случается на каждом шагу. Стоит, например, перед вами парень в очереди в «Старбакс», а сам только и думает, как до-

пьет сейчас кофе, заведет машину и рванет в новую жизнь, оставив семью гадать, что же с ним произошло. Или женщина садится в междугородний автобус и подставляет лицо пронизывающему ветру, чтобы тот унес навсегда мучительное прошлое, груз которого у нее уже нет сил нести. Как знать, может, и сейчас рядом с вами есть тот, кто решил навсегда исчезнуть.

Однако сделать это бесследно не так-то просто, как ни просчитывай и ни готовься. Всегда вмешиваются какие-то обстоятельства, остаются следы, тонкие ниточки. Мельчайшие зацепки. Случайные ошибки. Телефонный звонок в момент отъезда. Столкновение на дороге. Отложенный рейс.

Или непредвиденная смена маршрута.

Через запотевшее стекло я вижу, как к дверям подкатывает шикарная черная машина. Она там. Я уверена. Я чувствую это еще до того, как распахивается дверца и на тротуар ступает она — не оборачивается и не прощается, стремительно входит и пролетает мимо — так близко, что я ощущаю нежное касание ее розового кашемирового свитера. Она напряжена. Плечи подняты, словно в ожидании удара. Жизнь научила ее, что даже мягчайшие ковры за пятьдесят тысяч баксов превращаются в наждак, когда падаешь на них лицом, получив пощечину. Я не тороплюсь и выдыхаю с облегчением. Она здесь. Можно начинать.

Закидываю сумку на плечо, прибавляю шагу и успеваю встать в очередь прямо перед ней. Я ничем не рискую — беглецы смотрят только назад и никогда вперед.

Совсем скоро она пропадет со всех радаров, рассеется, как дым в небе, исчезнет. И я вместе с ней...

Клэр

21 февраля, понедельник

День перед крушением

— Даниэлла, передай, пожалуйста, мистеру Куку, что я ушла в тренажерный зал, — бросаю я, входя в небольшой кабинет, расположенный рядом с нашей гостиной.

Помощница поднимает глаза от компьютера и на секунду задерживает взгляд на моей шее — там, где сквозь слой тонального крема просвечивает свежий синяк. Я машинально поправляю шарф, хотя и знаю, что Даниэлла ничего не скажет. Как обычно.

— На четыре запланирована встреча в Центре по распространению грамотности, — напоминает она. — Вы снова опоздаете.

Даниэлла следит за моим графиком. Как и за любыми отступлениями от него. Она первая доносит моему мужу Рори, когда я не успеваю прибыть вовремя или вовсе отменяю «важные» встречи.

«Если я баллотируюсь в сенат, Клэр, мы должны быть безупречными».

— Спасибо, Даниэлла, я знаю расписание не хуже вас. Будьте добры, загрузите мои записи и ждите меня на месте.

Выходя, я слышу, как она поднимает телефонную трубку, и невольно замираю на миг в тревоге, хотя

и понимаю, что мне сейчас нельзя привлекать внимания.

Меня нередко спрашивают, каково это — стать частью такой могущественной семьи, одной из самых влиятельных политических династий Америки, уступающей разве что клану Кеннеди. Обычно я перевожу тему на наш фонд, финансирующий распространение грамотности и сбережение водных ресурсов в странах третьего мира, городские образовательные программы и онкологические исследования. Меня вышколили не распускать слухи.

Поэтому я молчу и не жалуясь на то, что нигде, даже в собственном доме, не могу укрыться от посторонних глаз. Мне приходится по крупицам отвоевывать личное пространство. Ассистенты, кухарки, уборщицы, водители — люди Рори, преданные слуги семьи Кук всюду следят за мной. Даже после десяти лет брака я не чувствую себя здесь своей. Для них я самозванка, с которой нельзя спускать бдительных глаз.

Надо сказать, я научилась отлично играть свою роль и не давать им лишних поводов.

Тренажерный зал — одно из немногих мест, куда Даниэлла не таскается за мной со своими графиками и списками. Там я встречаюсь с Петрой, моей единственной подругой из прошлого, с которой Рори не запретил мне общаться.

Просто потому, что он не знает о ее существовании.

* * *

Когда я приезжаю в зал, Петра уже там. Я переодеваюсь и иду к беговым дорожкам. Мы встречаемся у стойки с чистыми полотенцами. Она мельком оглядывает меня и тут же отводит глаза.

— Нервничаешь?

— Ужасно, — шепчу я в ответ одними губами и тут же отхожу.

Через час, ровно в половине третьего, пробежав положенную норму, я, завернувшись в полотенце, вхожу в сауну. Мышцы гудят от напряжения, но я улыбаюсь. Петра, распаренная, сидит в одиночестве на верхней полке.

— Помнишь миссис Моррис? — спрашивает она, пока я усаживаюсь рядом.

Еще бы! Эта учительница едва не завалила Петру в выпускном классе. Как же я скучаю по тем временам, когда все было просто и ясно.

— Целый месяц каждый день после уроков ты помогала мне, — продолжает она. — Другие обходили нас с братом за километр из-за отца.

— Прекрати, вас с Нико не считали изгоями. У вас были друзья.

— Когда к тебе не лезут, потому что твой папа — русский Аль Капоне, это не дружба.

Мы учились вместе в престижной школе в Пенсильвании, куда отправляют своих отпрысков самые богатые и влиятельные кланы Америки. Те общались с Петрой и ее братом Нико из любопытства, но по-настоящему никогда в свой круг не пускали. Я вообще училась на стипендию и в кампусе не жила.

Так мы и сблизились — трое чужаков. Брат с сестрой следили, чтобы никто не дразнил меня за подержанную форму и дребезжащую, обшарпанную «Хонду», на которой мать приезжала в школу навестить меня. Всегда подсаживались ко мне за обедом, чтобы я не торчала одна, и приглашали на вечеринки — ведь иначе меня бы туда никто не позвал. Защищали от высокомерных наследников больших капиталов, от их издевок и травли... Кроме Петры и Нико, у меня не было друзей.

Два года назад я вошла в клуб и увидела Петру — не иначе судьба нас свела. Словно призрак из прошлого... С тех пор столько всего изменилось, что рассказывать и объяснять пришлось бы слишком долго, и я просто отвернулась, сделав вид, что не узнала ее, и больше старалась не встречаться с ней взглядом.

После тренировки я поторопилась в сауну, надеясь дождаться ее ухода, однако Петра все-таки подкараулила меня.

— Клэр Тейлор!

Я невольно улыбнулась, услышав свою девичью фамилию и ее знакомый, еле уловимый русский акцент. Нахлынули воспоминания, и на миг я вновь почувствовала себя беззаботной девчонкой, а не блестящей и добродетельной женой мистера Кука, за непроницаемой улыбкой которой хранятся мрачные секреты.

Постепенно светская болтовня превратилась в задушевный разговор. Оказалось, Петра так и не вышла замуж, а жила в свое удовольствие под покровительством брата, унаследовавшего семейный бизнес.

— А ты? — поинтересовалась она, глядя на кольцо у меня на пальце. — Замужем?

Неужели она и правда ничего не знает?

— Да, за Рори Куком.

— Ого... Впечатляет.

Я отвернулась, ожидая, что она, как и другие, начнет расспрашивать о моей предшественнице, Мэгги Моретти, имя которой облетело все заголовки после трагической гибели его обладательницы. Однако Петра лишь заметила:

— Я видела его интервью у Кейт Лейн на Си-эн-эн. Фонд делает важную работу.

— Да, Рори очень равнодушный. Просто неистовый.

Знала бы она, сколько в этих словах горькой правды...

— Как дела у мамы и сестры? Вайолет уже, наверное, окончила колледж?

Я вздрогнула. Даже спустя столько лет их утрата отзывалась во мне острой болью.

— Они погибли в автокатастрофе четырнадцать лет назад. Вайолет только исполнилось одиннадцать.

Что тут еще скажешь... Был проливной дождь. Вечер пятницы. Пьяный водитель вылетел на красный. Лобовое столкновение, и мгновенная смерть.

— Черт, Клэр...

Она не бормочет банальные соболезнования и не выспрашивает подробности. Просто молча садится рядом, понимая, что нет таких слов, которые могли бы облегчить горе и унять боль.

* * *

Теперь мы каждый день встречаемся в сауне после тренировок. На людях общаться с Петрой я не могу, и она прекрасно это понимает. С самого начала, еще до плана, мы проявляли крайнюю осторожность и со званивались очень редко, а электронной почтой не пользовались вовсе. Так, шаг за шагом, в своем крохотном тайном мире мы воскресили былую доверительную дружбу, которая помогла нам обеим выжить в прошлом и помогает мне теперь.

Петра быстро поняла, что я скрываю.

— Уходи от него, — сказала она через пару месяцев после нашего воссоединения, глядя на синяк на левом предплечье, оставшийся от последней ссоры с мужем. — Это ведь не первый.

На людях я всегда старательно прятала улики супружеской ярости (правда, не очень-то успешно), и на сей раз прикрыла кровоподтек полотенцем.

— Уже пробовала. Пять лет назад.

Тогда я еще верила, что от Рори можно уйти. Конечно, не тешила себя надеждой на полюбовное расставание. Было ясно: предстоит битва, тяжелая, изматывающая, разорительная. Я планировала рассказать в суде о его побоях. «Дай мне то, что я прошу, и никто ничего не узнает».

— Я ушла из дома и скрывалась у одной женщины, но оказалось, что ее супруг — старый приятель Рори еще по университетскому братству. И когда муж явился за мной, тот, естественно, открыл ему дверь. Рори наврал им, будто я страдаю от тяжелой депрессии и наблюдаюсь у психиатра, а потом добавил, что, видимо, наблюдение придется усилить.

— Намекал на психушку?

— Просто давал понять, что все может быть гораздо хуже.

О том, чем закончилась эта история, рассказывать Петре я не стала: о том, как, вернувшись домой, муж сломал мне два ребра, швырнув на мраморную столешницу в кухне. «Твой эгоизм поражает меня. Из-за обычных ссор ты хочешь разрушить все, что моя мать и я с таким трудом построили. Но ты пойми, Клэр, разногласия есть во всех семьях». Он обвел рукой шикарную квартиру. «Посмотри вокруг. Что тебе еще надо? Твои бредни ни в ком не вызовут сочувствия. Тебе никто не поверит».

Он был прав. Кто я такая по сравнению с ним, обязательным филантропом, щедрым меценатом, единственным ребенком всенародно любимой Марджори Кук, столько сделавшей для страны на посту сенато-

ра? Любые мои жалобы и обвинения будут похоронены под всеобщим восхищением его семьей. Их просто не услышат. Даже слушать не захотят.

— Никто не встанет на мою сторону.

— Да ты что?

— Думаешь, если бы Кэролин Биссет обвинила Джона Кеннеди-младшего в рукоприкладстве, общество бросилось бы защищать ее?

Петра нахмурилась.

— Шутишь? Сейчас эпоха MeToo¹. Это стало бы сенсацией. В «Фокс-ньюс» и Си-эн-эн дрались бы за твою историю — даже сериал бы сняли или новое ток-шоу запустили, чтобы посмаковать подробности.

— Ну да... По справедливости, стоило бы подать на него в суд. Но я не могу, понимаешь... Я не готова к такой битве. Это затянется на годы, вывернет всю жизнь наизнанку, оставит клеймо. Не хочу. Мне нужна лишь свобода... от него.

Публично обвинить Рори — все равно что шагнуть в пропасть с надеждой на благосклонность и справедливость общества, которое могло бы подставить руки, чтобы не дать мне упасть. Однако надежда слишком зыбкая: за все время нашего с Рори брака никто ни разу не протянул мне руки помощи. Окружающие с ледяным равнодушием наблюдали за моим падением, коль скоро это сулило им расположение Рори. Власть и деньги надежно обеспечивают неприкосновенность.

Я сделала глубокий вдох, ощущая, как пар проникает в легкие.

¹ MeToo (англ. Я тоже) — общественное движение против сексуального насилия и домогательств по отношению к женщинам.